

О, этот мир,
это черное, белое, красное время!
Красное, красное, словно земля
африканских саванн...
(«Для кхалама»)

Многоцветным, вечно живым тамтамом, над которым властвуют сильные черные руки, извлекая из него победоносную бурю во имя трудного Сегодня, во имя грядущего прекрасного Завтра, — такой встает перед нами Африка со страниц этой небольшой книги.

ГЕОРГИИ АШКИНАДЗЕ

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

НА ПОДСТУПАХ К «ШВЕЙКУ»

Jaroslav Hašek. *Moje spověď*.
Spisy Jaroslava Haška, svazek XVI.
Praha, Československý spisovatel, 1968.

К 85-летию юбилею Ярослава Гашека (апрель, 1968) в Чехословакии вышел из печати XVI том собрания его сочинений. В нем — рассказы, созданные писателем по возвращении из Советской России.

Пять лет (1915—1920) провел Гашек в нашей стране, пять бурных лет, вобравших в себя две войны и две революции. Для Гашека — сначала военнопленного, затем легионера, а с весны 1918 года члена коммунистической партии и политработника Красной Армии — это были поистине переломные годы. Еще недавно бунтарь, анархист, «лидер» предвоенной пражской богемы, издевавшийся над всем и вся, он обрел в Советской России высокий революционный идеал, прошел школу «практической политграмоты».

Помощник коменданта города Бугульмы, заведующий редакцией фронтовой газеты «Наш путь», редактор и издатель ряда газет, выходивших на русском, чешском, венгерском, немецком и других языках; начальник Интернационального отделения Политотдела Пятой армии Восточного фронта, заместитель начальника Политотдела, депутат Иркутского горсовета... — таков в основных чертах послужной список Гашека — армейского политработника.

В рядах Пятой армии он сражался против Колчака в Поволжье и в Сибири, не переставая до последних дней печататься в многочисленных фронтовых газетах и бюллетенях.

Все это помогло Гашеку вырасти в большевистского политического руководителя крупного масштаба с большим опытом непосредственного общения с массами.

Вдохновленный победами Красной Армии над белогвардейщиной и интервентами, революционным подъемом в Европе, боями

горняков Кладно, выступлениями рабочих в других промышленных центрах Чехословакии, он верил, что и на его родине «пожар пролетарской революции» сметет буржуазную республику.

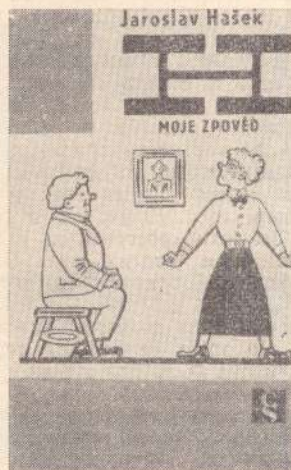
С такими надеждами возвратился Гашек в декабре 1920 года в Прагу.

Но к этому времени обстановка в Чехословакии коренным образом изменилась. Буржуазному правительству республики удалось разгромить массовое революционное движение и установить режим жестокой диктатуры.

«Красный комиссар» Гашек оказался буквально во вражеском окружении. Его травила буржуазная и правосоциалистическая печать, преследовала полиция (еще не утратил силы ордер на его арест за «измену родине», выданный военно-полевым судом чехословацкого корпуса в Омске).

Укрывшись под маской «старого довоенного Гашека» — заведующая трактиров и пивных, писатель начал тяжелую борьбу за существование. Переход от возвышенной романтики революционных боев к этой изматывающей борьбе при непрекращающихся травле и преследованиях был слишком резким и гнетущим. В творчестве Гашека явно зазвучали ноты горечи и боли.

Но они не заглушили, а скорее усилили остроту его сатиры. Пером сатирика он продолжал сражаться за те идеалы, которые еще совсем недавно отстаивал с оружием в руках. Явно изменился и облик его сатирических произведений. Наряду с гротеском, широко применявшимся писателем и раньше, он все чаще использует пародийную маску благонамеренного наивного обывателя — по существу швейковский прием издевательства под видом полного одобрения. Гашек научился виртуозно доводить до абсурда взгляды и высказывания своих противников, вскрыв тем самым их

СРЕДИ КНИГ

несостоятельность, чтобы убедительнейшим образом их опрокинуть и осмеять.

Эти новые черты гашековской сатиры особенно четко обозначились в его «исповедях» — большой группе рассказов автобиографического характера («Как я встретился с автором некролога обо мне», «Возлюбим врагов наших», «Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «Как я умерла» и другие). Недаром и весь том озаглавлен составителями по центральному произведению этого цикла «Моя исповедь».

«Моя исповедь» была ответом Гашека на травлю печати, обвинявшей его во всех смертных грехах: от «измены родине» до «зверских расправ над легионерами и русской интеллигенцией».

Писатель и не думал оправдываться.

«...Подтверждаю, что все обо мне написанное — правда. Я не только ответный прохвост и негодяй, каким изображает меня газета «28 октября», а еще более страшный злодей...» — так начинал он свою «исповедь», нагромождая дальше одно на другое самые невероятные преступления, якобы им совершенные:

«В возрасте трех месяцев я укусил кормилицу...

В возрасте шести месяцев я съел своего старшего брата...

В три года я превосходил распутством всю пражскую молодежь... состоял в любовной связи с женой одного высокопоставленного лица...» и т. п.

Полна горестной иронии и суровой укоризны и юмореска «Душенька Ярослава Гашека рассказывает». Она была написана еще в Иркутске в августе 1920 года, когда до Гашека дошли сведения, что в Чехословакии неоднократно публиковались известия о его смерти и, в связи с этим, некрологи, порочащие его как писателя и человека.

Под впечатлением одного из таких некрологов, написанного его бывшим приятелем Ярославом Кольманом-Кассиусом и наполненного грубыми оскорблениями и бранью (Гашек назывался здесь «предателем», «шутом», «пьяницей с пухлыми детскими руками»), Гашек и создал «Душеньку».

Рассказав о своих бесчисленных «смертях», которые, однако, не давали права вступить за «небесные врата», так как не были подтверждены официальными документами, «душа» Гашека заканчивает повествование сообщением, что в конце концов ее все-таки «расстреляли и повесили» с соблюдением надлежащих формальностей — снабдив ордером военно-полевого суда.

Тогда она была допущена за «врата вечности». Но здесь ее ожидал строгий допрос: кем она была при жизни.

«Покраснев и склонив голову, я ответила:

— В тридцать пять лет у меня было за плечами восемнадцать лет прилежной плодотворной работы. До 1914 года я снабжала своими сатирами, юморесками и рассказами все чешские журналы. У меня был широкий круг читателей. Я заполняла целые номера юмористических журналов, при-

крываясь всевозможными псевдонимами. Но мои читатели в большинстве случаев меня узнавали. Поэтому я наивно воображала, что была писателем.

— К чему эти длинные рассуждения! Кем была на самом деле?

Я смутилась. Нашупала в кармане некролог и прошептала в замешательстве:

— Извините, пьяницей с пухлыми руками.

...Тут меня поглотило море вечности...»

«Душенька» — одна из самых горьких «исповедей» Гашека, приоткрывающая завесу над трагической стороной его жизни, которую он всегда стремился тщательно упрятать от любопытных взглядов мешанской публики.

По манере письма «исповеди» непосредственно примыкают к «Швейку», над которым Гашек начал в то время работать.

В духе швейковского «всеприятия» действительности (временами куда более сатирически действенного, чем ее прямое осуждение) звучат и фельетоны Гашека, анализирующие социальные противоречия и политическую обстановку в Чехословакии: «Какие я писал бы передовицы, если б был редактором правительственного органа» и «Что я посоветовал бы коммунистам, если б был редактором правительственного органа «Чехословацкая республика».

Своеобразный налет мистификация — своего рода маскировка («под Швейка», — характерный для этих рассказов и фельетонов, сближает их и с циклом юморесок, помещенном в предыдущем (XV) томе собрания сочинений, «Комендант города Бугульмы». Примечателен уже сам подзаголовок цикла — «О тайнах моего пребывания в России», иронически обыгрывающий стремление буржуазной публики к сенсациям, жажду получить «из первых рук» щекочущие нервы сообщения о зверствах большевиков», «горячих красных комиссаров» и т. п.

Но писатель не оправдал этих чаяний. В непринужденной «самоироничной» манере, совмещая очень точно выписанные бытовые детали с гротескным изображением характеров и ситуаций, Гашек воссоздает здесь напряженную обстановку прифронтового города, первые шаги Советской власти, борьбу с белогвардейщиной, преодоление внутренних трудностей в рядах Красной Армии, связанных с изживанием партизанщины, анархии и самоуправства.

Такое совмещение гротескных ситуаций и типов с точным изображением обстановки, в которой происходит действие, непосредственно перейдет затем в «Швейка».

Тот же прием использовал писатель еще в одной группе рассказов («Буржуй Рамзелик», «Идиллия винного погребка», «Кронштадт», «Муниципальные выборы» и некоторые другие), где он стремился возможно полнее и шире воспроизвести исторически неповторимый облик Чехословацкой республики первых лет ее существования, запечатлеть типичные приметы времени.

Это был уже прямой шаг к эпической широте «Похождений бравого солдата

Швейка» и присущему этой книге трезвому историзму. Недаром сам автор считал свою эпопею «исторической картиной определенной эпохи».

Большинство рассказов XVI тома уже переводилось в разное время на русский язык и публиковалось в различных сборниках. Но лишь собранные воедино (сюда нужно, разумеется, присоединить и рассказы с «русской тематикой» из XV тома), они дают возможность судить как о творческих поисках писателя, предшествовавших и сопутствовавших рождению «Швейка», так и о той обстановке, в которой он создавался, составляя своего рода дополнение и комментарий к прославленному роману.

XV и XVI тома собрания сочинений Гашека — результат плодотворного сотрудничества чешских и советских литературоведов. Если XV том (включивший в себя статьи и фельетоны Гашека, написанные им по-русски) создавался в значительной степени на основе советских публикаций и направленных в Чехословакию фотокопий материалов фронтовой печати 1919—1920 гг. (Я. Гашек. Рассказы, фельетоны., М., 1954; Я. Гашек. Статьи и фельетоны, написанные по-русски; Я. Гашек. Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?, «Волжская коммуна» № 29, 5. II. 1965 и др.), то рассказы XVI тома, представленные в наше распоряжение чешскими товарищами до выхода его в свет, дали нам возможность опубликовать лучшие послевоенные произведения Гашека в пятитомном собрании его сочинений, вышедшем в издательстве «Правда» в 1966 году.

С. ВОСТОКОВА

НОВЫЙ РОМАН ТО ХОАЯ

Tô Hoài. Miền Tây. Hà-nôi, Nhà xuất bản Văn học, 1967.

Жизненной стойкости и духовной силе вьетнамского народа красноречиво говорит поток книг, которые написаны и изданы в ДРВ за последние годы, несмотря на обстановку военного времени, несмотря на огромные разрушения, вопреки фугасным, шариковым и другим американским бомбам. Среди этих книг видное место принадлежит новому роману То Хоая «Западный край».

Известный в нашей стране по переводу популярной детской книги «Приключения кузнечика Мена» и «Повести о северо-западном Вьетнаме», То Хоай в этом романе вновь обращается к северо-вьетнамским горцам. Писатель свой человек в этих краях: с походным мешком за плечами он прошел по горным тропам многие сотни километров в годы войны Спротивления, изучил местные языки, полюбил народную поэзию горцев (впоследствии То Хоай перевел ее на вьетнамский язык). У самой границы Вьетнама с Лаосом, в горах, где живут вперемежку малые народы, такие

как мео, са, лоло и другие, происходит действие его нового романа.

То Хоая увлекает задача художественного воспроизведения того переворота в жизни и сознании северо-вьетнамских горцев, который был вызван революцией. Образ автора-рассказчика придает особый колорит всему повествованию: в складе его речи есть красочность стиля народного сказителя, а в его восприятии окружающего — мышление вьетнамского горца, который еще живо, эмоционально относится к такому чуду, ставшему для нас обычным, как, например, самолет или транзистор.

То Хоай начинает с тех времен, когда на Северо-Западе властвовали французские «чиновные начальники крепостей» и местные «чиновные старосты». Читатель вместе с караваном китайского купца толстяка Цина («улыбающийся рот его был полов золотых зубов») отправляется на новогодний базар в горное селение Фиенгша, главное место действия романа.

Картина большого базара в Фиенгша — это панорама народного быта и противоречий народной жизни тех времен. «Стоило появиться каравану купца Цина, и Фиенгша на несколько дней становилось многолюдным рынком, раскинувшимся на каменной площадке вровень с хребтами соседних гор». Стайками стекались сюда девушки: по тропинкам, среди колючих зарослей, они шли в старых платьях, а возле самого базара прятались за скалами и оттуда выходили уже в праздничных нарядах. По базару бродили старики, некоторые из них каждый год приходили сюда в базарный день, но за всю жизнь так и не узнали вкуса соли. Соль, этот привозной продукт, у вьетнамских горцев считался роскошью: «соляной голод» был здесь обычным явлением, и это, может быть, как нельзя лучше свидетельствует о поистине трагической нищете местных жителей. В шалахах распо-

СРЕДИ КНИГ